Мяо Хуэй

**ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ**

Объектом анализа является литературное творчество русских эмигрантов в Китае с целью показать его своеобразие. Впервые выделены такие черты как обогащение новой тематикой "китайской культуры", патриотизм и любовь к родине-России, сочетание методов критического реализма и романтизма, групповое творчество. Доказано, что эта литература отличается как от русской классической литературы, так и от европейских аналогов. Автор предлагает расширить диалог двух культур с целью их обогащения и сближения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/36.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 136-143. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

нам благодаря естественному свету...» [6, с. 224]. Т.е. хотя предмет и способ уразумения божественной теологии сверхъестественен, способ изложения с необходимостью требуют естественный свет разума. «Эти метафизические истины и начала настолько сплетены с богословскими выводами и рассуждениями, что если отнять знание и совершенное усвоение первых, то по необходимости чрезвычайно поколебалось бы и знание вторых» [Там же, с. 225]. Таким образом, метафизика оказывается существенным инструментом, не влияющим на содержание христианского учения, но необходимым для изложения и рассуждения об истинах веры.

*Список литературы*


1. **Античная философия**: энциклопедический словарь / под ред. П. П. Гайденко, М. А. Солоповой и др. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 896 с.
2. **Аристотель.** Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. С. И. Еремеев. СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. 832 с.
3. **Брентано Ф.** Психология Аристотеля в свете его учения о νους ποιητικός // Историко-философский ежегодник'2002. М.: Наука, 2003. С. 308-340.
4. **Жильсон Э.** Бытие и сущность / пер. с фр. Г. В. Вдовиной // Жильсон Э. Избранное: Христианская философия / пер. с фр. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 321-582.
5. **Макарова И. В.** Учение Ф. Суареса о душе и его роль в дискуссии об активном уме // Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время / под ред. Ю. В. Ивановой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 174-195.
6. **Суарес Ф.** Метафизические рассуждения / пер. с лат. Г. В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 776 с.
7. **Хайдеггер М.** Основные понятия метафизики: Мир – Конечность – Одиночество / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.
8. **Suárez F.** Disputationes Metaphysicae [Электронный ресурс]. URL: http://homepage.ruhr-uni-bochum.de/Michael.Renemann/suarez/ (дата обращения: 25.01.2015).
9. **Thomas Aquinas.** Commentary on the *Metaphysics* [Электронный ресурс]. URL: http://dhspriory.org/thomas/Metaphysics.htm (дата обращения: 25.01.2015).
10. **Thomas Aquinas.** In librum Aristotelis *De generatione et corruptione* expositio. Commentary on Aristotle's *Generation and corruption* [Электронный ресурс]. URL: http://dhspriory.org/thomas/GenCorrup.htm (дата обращения: 25.01.2015).


**METAPHYSICS: ORIGIN OF THE CONCEPT**

**Malkina Svetlana Mikhailovna**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
*Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky*
*MalkinaSM@rambler.ru*

The constant resuming of the issue about the necessity of overcoming metaphysics makes it important to clarify the semantic boundaries of the notion "metaphysics". The article analyses the designations of philosophy by Aristotle, on the basis of which the primary context of the origin of the technical term "metaphysics" formed, and also meanings, which are clarified in this notion in philosophies by Thomas Aquinas and Francis Suarez. The author comes to the conclusion about polysemy and ambiguity inherent in the term "metaphysics" and defining its further controversial fate.

*Key words and phrases:* metaphysics; Aristotle; Thomas Aquinas; Francis Suarez; philosophy.

---

УДК 008
**Культурология**

*Объектом анализа является литературное творчество русских эмигрантов в Китае с целью показать его своеобразие. Впервые выделены такие черты как обогащение новой тематикой «китайской культуры», патриотизм и любовь к родине-России, сочетание методов критического реализма и романтизма, групповое творчество. Доказано, что эта литература отличается как от русской классической литературы, так и от европейских аналогов. Автор предлагает расширить диалог двух культур с целью их обогащения и сближения.*

*Ключевые слова и фразы:* русская эмигрантская литература в Китае; китайская культура; влияние китайской культуры; творческие черты; вклад русских эмигрантов – писателей и поэтов.

**Мяо Хуэй**
*Дальневосточный федеральный университет*
*13803619456@163.com*

## ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ©

*Работа выполнена при поддержке Хэйлунцзянского образовательного бюро, проект № 12532403.*

Отношения России и Китая знали свои взлеты и падения. На современном этапе наблюдаются повышенный интерес к политическим контактам, оживление экономических связей, усиленный интерес к культурному

© Мяо Хуэй, 2015

общению и диалогу. Россия и Китай в равной степени заинтересованы в том, чтобы полнее и глубже понять и осмыслить культуру друг друга, наметить верные пути к возможному культурному сближению и обогащению. Неоценимый опыт культурных контактов народов двух стран дает история русской эмиграции в Китае и особенно история развития русской эмигрантской литературы. Пожалуй, ни одна нация в мире не создавала такую богатую и своеобразную литературную культуру, в столь короткие по историческим меркам сроки и в таких ограниченных условиях, как русские эмигранты в Китае. В самом Китае имеется достаточно развитая традиция изучения русской эмигрантской литературы, там давно и безоговорочно признается ее талантливый и глубоко оригинальный характер. В России к серьезному изучению литературного наследия русских эмигрантов в Китае приступили относительно недавно. Но здесь есть уже достаточно серьезные труды по разным вопросам эмигрантской литературы. Так, например, К. А. Крыжанская анализировала «Звезды Маньчжурии» А. Хейдока. Она доказала, что рассказы «Три осечки», «Шествие мертвых» из сборника «Звезды Маньчжурии» отразили китайскую традиционную культуру. В этих работах «нашло свое выражение представление о карающей карме», в центре которой находится утверждение о «законе возмездия» за поступки, намерения, стремления, который определяет судьбу живого существа в последующих перерождениях. С позиции восточной традиции, это положение «укладывалось в традиционное мировосприятие восточного человека» [5, с. 99]. И. Ю. Воробьёва отметила, что эмигрантская литература «смогла не только сохранить свои национальные черты, но и включить восточные черты, что составляло ее своеобразный стиль. Это творчество стало результатом смешения двух культур: восточной и западной» [2, с. 217]. Н. А. Панишева в своей статье обратилась к анализу китайских мотивов в лирике одного из самых значительных поэтов русского дальневосточного зарубежья – А. Несмелова [11, с. 100]. В то же время, по нашему мнению, мало внимания уделяется изучению самого характера литературного творчества, особенностям того литературного, художественного отражения, которое создала русская эмигрантская литература за годы своего существования в Китае. Известно, что литература как культурная форма наиболее полно, быстро, динамично способна отразить в своем творчестве новые реалии жизни, а в силу своей массовой аудитории – донести их до широкой общественности, сформировав соответствующее отношение к этим реалиям. Именно благодаря литературе, которая в тех условиях единственная была способна оказывать систематическое пропагандистское и агитационное воздействие на аудиторию, русской эмиграции в массе своей удалось, с одной стороны, избежать угара национализма, о чем мечтали остатки белой «гвардии», с другой стороны, не поддаться на увещевания и авантюризм японских милитаристов. Тема имеет не только познавательное, теоретическое значение для современности, но она несет в себе и актуально-практическое значение. Во-первых, русская эмигрантская литература в Китае доказала необходимость и возможность сближения культур и литератур двух стран, что имеет несомненно современный смысл. Во-вторых, она наметила основное направление такого сближения – через обогащение русской культуры новыми реалиями китайской жизни. В-третьих, она создала образец для такого вида обогащения – особого рода литературу, отличную и от той, которая была создана в России в предшествующий период, но и не похожую на китайскую литературу. В-четвертых, она нашла единственное средство, которое способно было донести в тех исторических условиях до масс эти новые идеи, образы, смыслы и именно литературу, литературную среду.

Русская эмигрантская литература в Китае является неотъемлемой частью русской литературы 20-го века, особенным созданием человеческой культуры. Количество русских писателей и поэтов, создавших эмигрантскую литературу в Китае, успехи творчества, достигнутые этими литераторами, их влияние и известность не имеют аналогов в мировой эмигрантской литературе. В соответствии с перечисленными библиографиями и статистикой текстов «Плывущего лотоса в буре», всего было выявлено 120 русских писателей. В среднем приходилось по 3-6 писателей на каждые десять тысяч человек, говорящих по-русски. Доля писателей, которую они представляли среди читателей, настолько высока, что ее смело можно внести в книгу рекордов Гиннеса [13, с. 32]. Эмигрантская литература, или, как ее еще называют, – «литература изгнания», существовала и существует во многих странах. Но русская эмигрантская литература в Китае обладает рядом особенностей, которые позволяют говорить о ее уникальном характере.

Русские литераторы мигранты, оказавшиеся в Китае, в чужой для них стране, продолжили свое творчество и благодаря своим усилиям добились больших успехов. Сохраняя и распространяя в Китае, а через него и во всем мире, лучшие традиции русской литературы, своим трудами они создали уникальную литературную реальность. Их работы, рассмотренные в единстве содержания и формы творчества, образовали особый, неповторимый стиль.

Рассматривая причины выдающихся достижений русской эмигрантской литературы, некоторые исследователи обращают внимание на различия, которые отличали ее от тех идеологических основ и вытекающих из них мировоззрений и ценностей, на которых строилась русская литература писателей, оставшаяся на их родине, в России.

На этих различиях и строились в основном концепции о достоинствах самовыражения и самоутверждения русских писателей-эмигрантов [14, с. 226-237].

Мы же считаем, что причины творческого своеобразия русских литераторов имеют более сложный характер.

Внимание автора статьи будет сосредоточено на выявлении характерных черт русской эмигрантской литературы и, прежде всего, такой из них, как обогащение тематического многообразия, литературного содержания, которое отчетливо проявилось в творчестве русских писателей и поэтов в Китае. В результате изменения места проживания, появления в поле внимания новых реалий китайской культуры, изменилось содержание литературного творчества. В итоге русская эмигрантская литература в Китае, принадлежа в основе своей русской культуре, вобрала в себя некоторые элементы китайской культуры и с этой точки зрения

представляла собой более сложное образование, чем традиционная русская литература. Можно говорить о своеобразном новом видовом образовании, которое представляла собой русская культура эмигрантов, оказавшихся в Китае. Так, в ней проявило себя групповое, коллективное творчество поэтесс, таких как В. Янковская, Л. Хаиндрова, А. Паргау, чего мы не находим в истории традиционной русской литературы.

Русским писателям, чтобы полнее отразить новые реалии, пришлось применять более разнообразные методы творчества, чем это было свойственно традиционной русской литературе. Но что особенно явно бросается в глаза непредвзятому исследователю – это, несомненно, доброжелательное отношение к китайской культуре и ее народу, а также несомненный патриотизм, проявлявшийся в неприкрытой и подчеркнуто-выраженной тоске по Родине – покинутой ими России.

Мы начнем анализ с рассмотрения одной из тенденций, которая проявила себя в обогащении тематического творчества русских писателей и поэтов в Китае.

В силу ряда обстоятельств русские эмигранты, писатели и поэты, вынуждены были покинуть Россию, привычную для них обстановку. Они потеряли прежние свои деловые и личные связи, контакты с издателями и редакторами, читательскую аудиторию, финансовую базу, и все это им пришлось восстанавливать заново. Оказавшись в Китае, в Харбине, они очутились помимо своей воли в совершенно незнакомой для них стране, со своей очень древней и удивительной культурой. Если в начале своего пребывания они могли еще испытывать какие-то иллюзии по поводу сроков своего проживания на новом месте, то со временем им стало ясно, что потеря родины – это всерьез и надолго. Пришлось осваивать в своем творчестве новые реальности. Они с разных точек зрения и с разными чувствами стали описывать непривычные им китайские пейзажи, обычаи и явления, на которые сами китайские литераторы часто не обращали внимания или к которым они уже привыкли. Хотя описанные самими китайцами и русскими литераторами события одинаковы, но продукты творческого их осмысления у русских и китайских писателей подчас получают совершенно различную форму. Мы могли бы сказать, что между ними возникло негласное соревнование, потенциальное сравнение и дополнение друг друга. Особенно отчетливо бросается в глаза то, что темы творчества русских писателей-эмигрантов, которые они стали разрабатывать в Китае, по сравнению с их китайскими коллегами получили свое отличие, а именно – они стали многообразнее и их число увеличилось.

Первое, что можно отметить как причину появления этого многообразия, является различие в мировосприятии. Китайские писатели не смогли вовремя освоить те новые исторические и политические реалии, которые принесло в страну строительство КВЖД, не имеющее аналогов в истории Китая. С историей КВЖД тесно связано и возникновение нового города – Харбина, построенного в иной архитектурной планировке. Изменения в политической ситуации, связанные с оккупацией Японией в 1931-м году части территории Китая, последовавшее после этого создание марионеточного государства «Маньчжоу-Го» в 1932-м году, разразившаяся чума на северо-востоке Китая в 1910-м году, крупные наводнения в Харбине в 1932-м году [1, с. 105] и ряд других событий первыми были отражены на страницах произведений русских писателей-эмигрантов, что вызвало повышенный интерес к ним как со стороны русских, так и со стороны китайских читателей.

Во-вторых, широкое отражение на страницах произведений русских литераторов получает представление китайских природных пейзажей, увиденных как бы «чужими» глазами и делавших эти описания непривычными, «остраненными» для китайцев. Например, восторженное изображение экзотического для русских лотоса – обыденного для китайских писателей растения, тайга северо-восточного Китая, отличающаяся своим многообразием растений и животных от привычного для русского глаза леса, массивов гор Хингана, с его непривычными для русского глаза очертаниями, река Сунгари, северная народность мохе, провинция Ханьчжоу, города Харбин, Сянтаньчэн, Цицикар, Пекин, Дайрен, Фудзядянь, море, луга, китайская пашня, поля гаоляна и чумизы, рисовые чеки, лаковые шкатулки, волны на озере, необычные, так романтично звучащие названия мест: Чжунхай, Биюньсы, Шанхайгуань, Хусиньтин, Дунлин; красные листьях под инеем, китайский хутор, химеры, светильники-фонарики, лошади, мост, веер, фонтаны, рощи бамбука, Великая китайская стена – все это непривычное, вызывающее удивление, часто восторг, достойное описания и увековечивания не только в человеческой памяти, но и на страницах рассказов и повестей.

В-третьих, русских литераторов привлекала сама китайская традиционная культура, уже не вызывающая удивления у китайских читателей и привычная для них. Например, рисунки на китайском веере, Ми-Сине (статуя Будды), Тянь-бин (большой блин из кукурузной муки), миниатюра на эмали, изображения Феникса, Дракона, сторукая статуя Будды, волшебная, лекарственная сила женьшеня, гадальщик, имена, такие непонятные и такие привлекательные своими созвучиями, как Лэйфу, Ли Тайбо, Ян Гуэй-фей, Цы-Си, Гуань Инь, Будда, маньчжурские стихотворные размеры-ямбы, «подражание китайскому», миф о «возвращении» – китайская похоронная традиция, словесным выражением которой выступило изречение: «падающий лист возвращается к корню», карма – закон о загробном воздаянии, принятый в буддизме, своеобразие верований даосизма, конфуцианства, лунный китайский год, не имеющий аналогов в русской культуре, китайский календарь, колокол с его необычайной формой и звучанием, роспись на барабане, своеобразие философии и религии, чай, багульник, таньхулу (ягоды на палочке), шёлк, эрху (музыкальный инструмент) и др.

В-четвёртых, темы, в которых отражается обыденная жизнь простых китайцев. Например, описания курильщиков, кафе, фруктовой лавчонки, китайского альбома, хунхузов, ломозы, китайских харчевен, девушки из Сучжоу, женщины из Шаньхая, девушки из Нинбо, крестьянина северного Китая, рикши и т.д. [8, с. 1].

В многообразии произведений русских писателей в самой России эти темы присутствовать не могли. Они вошли в их творения как результат осмысления новых реалий китайской жизни. Эти темы отражали специфику всей жизни китайцев, являлись типичными для китайской культуры, но не для русской. Но за время проживания в Китае, по мере знакомства русских литераторов с китайской действительностью,

нарастает тематическое богатство произведений в творчестве русских эмигрантов, писателей и поэтов. По богатству тематики, ее разнообразию и содержанию эмигрантская литература любой страны в мире не сможет сравниться с русской эмигрантской литературой в Китае. Русская эмиграция в Китае уже стала историческим явлением, но те произведения, которые она создала, и сегодня чрезвычайно дороги сердцу каждого думающего человека. Поэтому вклад этих писателей и поэтов в духовное достояние человечества надолго останется непревзойденным и ни с чем не сопоставимым явлением культуры.

Рассматривая специфику творчества русских эмигрантов, писателей и поэтов, мы должны отметить такую черту их творчества как соединение русской культуры с китайской.

Русская эмигрантская литература в Китае была представлена русскими писателями на русском языке, для русской читательской аудитории, но их творческий фон, темы, объект описания, стиль творчества имеют особенности, в которых нашла свое отражение китайская культура. Сам дух произведений русских литераторов насыщен элементами китайской культуры, наполнен ее дыханием.

Их произведения выходят за рамки национальной культуры, носят транснациональные, межнациональные, межкультурные черты, а значит, несут в себе обогащенное культурное содержание.

Литературные труды писателей-эмигрантов являются продуктом, созданным особой группой писателей, возникшей при исключительных исторических условиях. Поэтому русская эмигрантская литература в Китае является и частью русской литературы, и частью китайской литературы. Самое важное – она является неотъемлемой частью мировой литературы XX века, обладающей своей неповторимой спецификой.

Китай для них являлся не только страной пребывания, он предоставил им свободу творчества, воспитал в них любовь к Китаю как своей второй, вынужденной, но родине, оказал на них большое влияние, обогатив их творчество своей культурой, своими обычаями, своей моралью, своей природной и социальной средой. Немало эмигрантов называли Китай своей второй родиной или «нежной мачехой». Эмигрантская литература уникальна тем, что большая часть из её сочинений достигла замечательного синтеза, слияния русской культуры с китайской, как по темам, так и по творческой идее исполнения, по творческому стилю. Эта особенность уже отличает русскую эмигрантскую литературу от той литературы, которая стала складываться на покинутой родине, внутри России [6].

В Китае в культуре Дракона традиционно содержится разнообразный смысл. В образе «Дракона» отражаются многообразные воззрения о взаимоотношении природы с человеком, их слиянии в единое целое, моральные нормы добра, любви и уважения к людям, представления о соединении Инь и Ян и другие значения. Таким образом, культура Дракона в Китае выполняла очень важную, базовую функцию для своей консолидации. Неслучайно именно образ дракона попал в поле внимания русских поэтов-эмигрантов. Здесь можно назвать такие стихотворения как «Дракон» [7, с. 411] Вс. Иванова и «Легенда о драконе» [Там же, с. 145] А. Несмелова. Хотя они выбрали один объект восприятия и описания – Дракона, но в осмыслении этого мифологического персонажа у них появляются различные представления и выводы. Познакомимся с описанием «Дракона», каким он представлен в стихотворении Вс. Иванова:

«Дракон»
Фонарь из пузыря. Висит он белой грушей,
Лениво-матовой, как будто жемчуга.
Над ним же приподнял коричнево рога
Дракон, извившийся своею узкой тушей.
... ...

В поэзии А. Несмелова мы видим иной образ, связанный уже с другой исторической реальностью:
«Легенда о драконе»

... ...
Из дыма их,
На аспидные кручи,
Окрасив в пурпур
Блеклый небосклон,
Неслышно выполз
Сказочно могучий
Тысячекрылый
Огненный дракон.
... ...
И в блеске молний выгибает спину,
Драконью спину –
Голубой Янцзе.

В центре двух произведений русских поэтов оказалась одна и та же тема – тема Дракона, и хотя раскрывается она ими по-разному, есть нечто общее в их отношении к культуре. «Поэзия для человека – один из способов выражения своей личности», – писал Н. С. Гумилев в своих «Письмах о русской поэзии» [4, с. 20]. То общее, что объединяет мастеров поэтического, да и прозаического слова из России, – это любовь к Китаю. Любовь проявляется, прежде всего, во внимательном, чутком заинтересованном отношении к незнакомой для них культуре, в желании понять ее, проникнуть в скрытый смысл чужих образов, символов, мифов.

Вс. Иванов в своем стихотворении обратил внимание, прежде всего, на внешние, поверхностные черты Дракона, которые он видит в свете фонаря, но эта поверхностность и первичность составляет исходную посылку для понимания древности и более сложного восприятия мифологии, что позволяет выйти на уровень универсальных обобщений. Уже в следующих строфах стихотворения, после того, как он ознакомил читателя с внешним обликом Дракона, мысль автора переносится в глубокую старину, во «время потопа», что позволяет подчеркнуть древность самой культуры Китая, соразмерной времени Драконов. Это тот период, когда «знал китаец их на облаках огромных / От дивных дней последний человек». Это не историческое время, это время культурное, время, осмысляемое с точки зрения единства порождения мифов о Драконе с появлением самого человека, создателя этого мифа, китайца, творца китайской цивилизации. Таким образом, для поэта создание человека соразмерно с созданием его культуры, его мифологии, они неразрывны, соразмерны друг другу и не существуют в отрыве друг от друга. Его мысль совершает восхождение от конкретного восприятия отдельного предмета – Дракона на вывеске дома – к абстрактному, к высоким обобщениям, характеризующим всю культуру народа.

А. Несмелов, отталкиваясь от образа дракона, идет по иному пути. Для него более важную роль имеет не мифическое, а конкретно-историческое время, та ситуация, которая сложилась в современном ему Китае. Для него мифический Дракон – это образ самого, современного ему, Китая. И к мифу о Драконе он прибегает для того, чтобы описать в художественной форме ту ситуацию, которая видится ему в отношениях Китая с рядом европейских стран, так или иначе участвующих в ограблении китайского народа. В его представлении легендарный Дракон когда-то поглотил «Гудком гремевший / Вражий пароход», о чем в народе Китая «И в это лихолетье / Преданье вспоминают / И поют... Поют...» [7, с. 146]. Народ Китая помнит о былом сопротивлении иностранному насилию, о победе и морально готов вновь к открытому сопротивлению. И это чувствуют иностранные поработители Китая: «И вахта на английской канонерке / Не спит. / Молчит. / И чувствует врага» [Там же, с. 147]. В образе «вахты», а в данном случае она является представителем иного народа, поэт в двух-трех строчках сумел выразить иное восприятие культуры не просто как чуждого, а как враждебного мира.

Творчество русских поэтов-эмигрантов А. Несмелова и Вс. Иванова, которое совпадает со временем их пребывания в Китае, отличает интенсивный и очень плодотворный характер. Оно происходило в чрезвычайно сложной экономической, социально-этнической и политической среде, в незнакомой и непривычной для них культуре. Эта среда была чрезвычайно насыщена китайским национальным колоритом: природой, бытом, нравами, символикой и мифологией, религией и философией. В результате взаимодействия двух культур русская эмигрантская литература в Китае получила дополнительные характеристики. С одной стороны, она по-прежнему сохраняла черты, характерные для русской классической словесности, – гуманизм, народность, демократизм, критический реализм, чувство сострадания и сочувствия к угнетенному и несчастному человеку; с другой стороны, она стала воспринимать новые этнические и исторические реальности и отражать их в новой художественной форме. В результате, на что указывают некоторые китайские исследователи, это уже была «не чистая русская литература, и не чистая китайская литература» [3, с. 19]. Профессор Ли Яньлин называет её «полукитайской литературой». Такое наименование она получила потому, что она восприняла некие черты китайской культуры. Ее стали характеризовать китайская тема, китайский общественный фон, китайская природа, китайские нравы и обычаи, китайская традиция, китайская точка зрения на эстетику и т.д. [Там же]. По нашему мнению, такое сопоставление не совсем корректно. Это происходит потому, что ветка китайской культуры прививается на русскую культурную основу, осмысливается с точки зрения уже сложившейся русской традиции, в символах и понятиях русской культуры, в рамках тех приемов построения художественного образа, которые характеризуют русскую национальную литературу и поэзию. Русские мастера пользовались русским языком, в основном применяли русский образ мышления и эстетические привычки.

Впрочем, формулировка «полукитайская литература», без сомнения, в свое время сыграла свою прогрессивную роль в характеристике русской и китайской литератур. Мы бы употребили здесь другой термин, более адекватно отражающий получившийся культурный синтез и более присущий научному описанию взаимопроникающих, взаимодействующих процессов и их продуктов. Эту культуру можно назвать синкретичной, сложной, по характеру тех черт, элементов ее содержания, которые она включает в свой состав, таким образом обогащая культуру. В нашем труде большее внимание будет обращено на те художественные черты культуры, которые отличает чрезвычайно богатый китайский национальный колорит, сложившийся в практике поэтического творчества этих двух поэтов и который присутствует и в творчестве других русских прозаиков.

Культура Дракона как продукт эволюции тысячелетнего развития духовного наследия Китая сформировала свой неповторимый культурной стиль и модель, обладающую уникальным восточным колоритом. На китайском культурном фоне, в китайском культурном контексте эта древняя тема получает новое прочтение [10] и заслуживает более глубокого изучения. Мы считаем, что «китайский национальный колорит» в русской эмигрантской культуре обладает трёхмерностью. Ее образуют: китайская история (то, что случилось в Китае), китайский пейзаж, китайское чувство.

Еще одна особенность, которая заслуживает внимания и исследования, вытекает из коллективного, группового характера, который приобретает творчество русских поэтесс в Китае. На своей родине, в России оно отсутствовало и не было исследовано.

В русской эмигрантской литературе в Китае поэтическое творчество, практика стихосложения занимает очень важное место. В «Серии литературы русских эмигрантов в Китае (на китайском языке) (5 томов)» под редакцией Ли Яньлина имеется два тома стихотворений; а в «Серии литературы русских эмигрантов в Китае (на китайском языке) (5 томов)» имеется три тома стихотворений. Достаточно сказать, что стихи в количественном отношении занимают значительное место в русской эмигрантской литературе в Китае. А в этой многочисленной команде поэтов поэтессы занимают видное место. В «Серии литературы русских эмигрантов в Китае

(на русском языке) (10 томов)» всего собрано 100 писателей и поэтов, в их число входит 31 поэтесса; в «Серии литературы русских эмигрантов в Китае (на китайском языке) (5 томов)» в один том, который называется «Сирены у Сунгари», вошли стихи только поэтесс. В пяти томах собраны произведения 72 поэтов, в том числе 28 поэтесс. Здесь нашли свое место труды знаменитых А. Паркау, О. Скопиченко, Л. Хаиндровой, М. Коростовец, Е. Влади, В. Янковской, И. Орловой, Э. Трахтенберг, М. Визи, В. Иевлевой, Н. Крук и многих других.

Профессор Ли Яньлин в предисловии к сборнику стихов «Сирены у Сунгари» отметил: «В русской эмигрантской литературе в Китае поэзия занимала заметное место, и среди поэтов поэтессы выглядят более привлекательными, можно сказать, что они занимают свое почетное место на Парнасе. Некоторые стихотворения своими высокохудожественными достоинствами сравнимы с подлинными жемчужинами, которые вначале родились в России, а сформировались в Китае» [8, с. 3]. Такова высокая оценка, которую дал академик Российской Академии наук, профессор Ли Яньлин произведениям русских поэтесс-эмигрантов.

Достижения русских поэтов-мужчин, по общему мнению, гениальны, но не следует недооценивать и творчество поэтесс. Французский писатель А. Доде сказал, что глаза женщины всегда остры. Масса работ отражает их уникальный и точный взгляд на мир. В их произведениях отражалась не только личная судьба героинь, но и их психологическое состояние. Они описывали бурную историю своей страны, жизнь на чужбине, природные пейзажи Китая, личные чувства и т.д. Они исследовали экзистенциальные, нравственные и этические проблемы, отражали дух времени, реальную жизнь и страдания простых людей. Создавая живые образы, решая проблему свободы и рабства, страдания и счастья, они излагали конкретную историю новой для себя родины – Китая, чтобы полнее и четче помнить о своей прежней родине – России. Некоторые из поэтесс больше внимания уделяли описанию внешнего мира, сосредоточившись на представлении отдельных фактов суду читателя. Метод критического реализма позволял раскрыть читателям разнообразные социальные явления. Но были поэтессы, которые предпочитали углубиться до понимания истоков внутренних чувств и их описания в образах, что позволяло соединить в единое целое два мира – мир материальный и чувственный с миром духовным и идеальным [15, с. 24].

Поэтесса М. Коростовец написала стихи – «Феникс». В древние времена считали, что феникс живет в далекой стране Востока, он летает высоко в облаках и редко спускается на землю. В той стране, где он объявился, наступят мир, благополучие и гармония. Древние люди связывали феникса с чисто китайскими космологическими понятиями (Инь, Ян и пять стихий). Они считали феникса представителем и символом огня среди пяти стихий. Поэтому он назывался еще именем «Огненная птица», «Огневой феникс». Говорят, что феникс есть символом хорошей судьбы и вечной жизни, он может воскреснуть в огне. В китайской традиционной культуре часто связывали дракона с фениксом, рассматривая их как два талисмана, что создало своеобразную китайскую культуру дракона и феникса. Вообще дракон представляет мужской пол, а феникс – женский. В феодальные времена дракон и феникс символизировали императора и императрицу. Только император мог сидеть на стуле с изображением дракона, носить халат с фигурой дракона, и только императрица могла носить диадему с фигурой феникса. На посуде и других предметах императрицы был нарисован феникс. Потом рисунки с драконом и фениксом распространились в простом народе. На свадьбе одежда жениха и невесты часто украшается рисунками драконов и фениксов в знак пожелания добра и счастья. Дракон, феникс, цилинь (единорог) и черепаха считаются четырьмя фетишами, которые в древности относились к святым животным и талисманам. Их фигуры чаще всего гравировались на предметах или использовались как декоративные украшения. Даже в настоящее время эти «четыре фетиша» всё же являются одним из самых любимых талисманов. В домах многих людей есть декоративные украшения с рисунками «четырех фетишей» или встречаются их статуи [12].

В своем стихотворении «Феникс» М. Коростовец пишет:

Девочка скользнула, торопливо
Стянутыми ножками ступая,
На восток, где одинокой ивы
На траву ложилась тень густая.

Серебром браслетов прозвенела,
Оглянувшись, нет ли там погони:
Вдруг увидит мать, что так, без дела
Скрылась помечтать на этом склоне?

Желтолицая, глаза раскосы,
Разметались рукава халата,
Красной шерстью перевиты косы,
В волосах горит цветок граната.
.....
Девочке правления кормило
Рок вручил, отметив: пронеси!
И она в историю вступила
С августейшим именем Цы Си.

Образ китайской девочки, как живой, предстает перед нами. Кажется, можно увидеть, как она ускользнула от нас, ее красивое лицо, гибкую фигурку в легком халате, длинные, тугие косы, перевитые красной шерстяной нитью, услышать тихие звуки серебряных браслетов. Но эта простая, обычная девочка волей судьбы

вошла в историю и стала императрицей Цы Си. Жизнь вручила ей высший придворный чин, распознав в ней природу «феникса».

Стихотворение «Лайфу», написанное поэтессой И. Орловой, полно иной символики. «Лайфу» – имя юноши. «Фу» – гомофонное произношение китайского иероглифа, несущего смысл – «счастье», «Лай» – гомофонное произношение, фиксированное китайским иероглифом в значении «будет». Поэтому имя «Лайфу» значит, что у его носителя «будет счастье». Но на самом деле молодой человек не получил счастья, да и рано потерял свою жизнь – он умер из-за своего увлечения опием. В своем стихотворении поэтесса высказала глубоко гуманистическое сочувствие к страданиям простых людей, принадлежащих нижнему слою общества, таким как «Лайфу», и ненависть к старой китайской социальной системе, оставляющей без надежды на счастье беднейшие слои населения. Но критически оценивая темные стороны китайского общества, она, к сожалению, не смогла или не решилась указать правильный способ избавления от социальных противоречий.

Но познакомимся с самим стихотворением, ведь лучше самой поэтессы не скажешь:

Монотонно плачет струнный тачинкин
В чайном домике, стоящем на углу:
И в фаянсовых посудах чай лянсин
Носит грустный узкоглазый бой Лайфу.
.....
Скоро месяц, как, приехав из Чифу,
Где растут индиго белые кусты,
Курит опий узкоглазый бой Лайфу,
В дымке серой расплавляя боль тоски...

Отдаленно плачет струнный тачинкин...
Перед ним в пожаре факельных лучей
Разукрашенный цветами паланкин,
В белых траурных одеждах ряд людей.

Словно тень он видит образ дорогой,
Фермуарами увитый бледный лоб,
Красной шелковой обтянутый канфой
С золотыми иероглифами гроб.
.....

Русские писатели-эмигранты, оказавшись в Китае, чтобы быть понятыми и своими старыми читателями, и новой аудиторией, вынуждены были приспособить свое творчество к новым реалиям культуры и общества, большее внимание уделяя социальной проблематике, с тревогой наблюдая за обостряющимися противоречиями китайской жизни и пытаясь своими рекомендациями и выводами предотвратить наступающую катастрофу. В первой половине XX века культурная и литературная деятельность русских эмигрантов, оказавшихся в Китае, воплотилась в ряде произведений, которые оставили глубокий след в истории культуры, в истории обмена и взаимообогащения культурными ценностями Китая и России. Русская эмигрантская литература в Китае явилась культурным мостом, соединяющим культуру двух народов. Как уникальное литературное явление русская эмигрантская литература в Китае является незаменимой главой русской литературы XX века, она, несомненно, имеет непреходящую идейно-художественную ценность. Частично отражая новые реалии Китая, она не могла не вбирать их в себя, по-своему отражая и интерпретируя чужую, незнакомую для нее китайскую культуру. Поэтому русская эмигрантская литература может рассматриваться и как часть китайской культуры. Но русская эмигрантская литература в Китае не может быть сведена только к русской или китайской культуре, она отличается как от первой, так и от второй, что придает ей особую художественную привлекательность и очарование, позволяет считать ее особым видом мировой литературы. Опыт создания русской эмигрантской литературы в Китае показывает возможность и необходимость налаживания культурного диалога двух народов – российского и китайского – с целью обогащения и дальнейшего сближения их культур.

*Список литературы*

1. **Ван Яминь.** Русская эмигрантская литература в китайской современной литературе // Вестник Шанхайского педагогического университета. 2010. № 6. С. 101-107.
2. **Воробьёва И. Ю.** Китайская литературная традиция в восприятии поэтов дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 217-233.
3. **Гу Юньпу.** О А. Несмелове и его стихах // Русская литература и искусство (на кит. языке). 2002. № 6. С. 16-19.
4. **Гумилев Н. С.** Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1991. Т. III. Письма о русской поэзии. 430 с.
5. **Крыжанская К. А.** Мистическое начало в прозе харбинских писателей // Вестник Амурского государственного университета. 2008. № 42. С. 99-101.
6. **Ли Яньлин.** О литературе русской эмиграции в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://mochizukitsuneko.com/wp-content/uploads/2011/06/4-li%E3%80%80%E6%A0%A1%E4%BA%86.pdf (дата обращения: 11.03.2014).
7. **Ли Яньлин.** Серия литературы русских эмигрантов в Китае: в 10-ти т. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. Т. II. 706 с.
8. **Ли Яньлин.** Утренняя песня Сунгари. Харбин: Северная литература и искусство; Хэйлунцзянское образование, 2002. 398 с.

9. **Лю Вэнфэй.** Из России в Харбин // Пекин: Китайская книжно-торговая газета. 2003. 22 августа.
10. **Лю Хуэйцянь.** Культура Дракона и гармоничное общество // Гуанмин Жибао. 2007. 27 декабря.
11. **Панишева Н. А.** Художественное пространство Китая в лирике А. Несмелова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 1. № 1. С. 100-105.
12. **Смысл феникса** [Электронный ресурс]. URL: http://zhidao.baidu.com (дата обращения: 03.01.2014).
13. **Сунь Линци.** Русская газета «Правда» рецензирует книгу «Плывущий лотос в буре» // Иностранные теоретические тенденции. 1998. № 10. С. 31-37.
14. **Цзэн Фаньжен.** Проблемы европейской и американской литературы 20-го века. Пекин: Высшее образование, 2002. 320 с.
15. **Цюй Сюепин.** Исследование творчества русских «сирен» – Русские поэтессы-эмигранты на Востоке: дисс. … магистра. Цицикар: Цицикарский университет, 2012. 45 с.

**TYPICAL FEATURES OF LITERARY ACTIVITY OF RUSSIAN EMIGRANTS IN CHINA**

**Myao Khuei**
*Far Eastern Federal University*
*13803619456@163.com*

The article analyzes the literary activity of Russian emigrants in China with a view to show its originality. For the first time the paper identifies such features as the enrichment of “Chinese culture” with new themes, patriotism and love for the homeland – Russia, combining the methods of critical realism and romanticism, group creation. According to the researcher, this literature differs both from Russian classical literature and from European analogues. The author proposes to broaden the dialogue of the two cultures in order to enrich and approach them.

*Key words and phrases:* Russian emigrant literature in China; Chinese culture; influence of Chinese culture; creative features; contribution of Russian emigrants – writers and poets.

---

УДК 34; 342.552
**Юридические науки**

*В данной статье анализируется правовое положение Уполномоченного по правам ребенка в системе разделения властей. На примере Уполномоченного по правам ребенка в Республике Хакасия раскрывается его особый статус как государственного органа субъекта РФ, который действует в целях обеспечения гарантий прав и законных интересов ребенка в субъекте Российской Федерации. Обосновывается нецелесообразность принятия на федеральном уровне модельного закона «Об основах деятельности уполномоченного по правам ребенка в субъектах РФ».*

*Ключевые слова и фразы:* омбудсмен; органы государственной власти; права ребенка; принцип разделения властей; правовой статус Уполномоченного по правам ребенка.

**Николаева Екатерина Александровна**, к.ю.н., доцент
**Тарасова Ольга Евгеньевна**, к. филос. н., доцент
*Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова*
*oet72@mail.ru*

## УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАССИЯ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ©

В последнее время все чаще привлекает внимание общественности проблема прав и свобод человека и их защиты, и особенно – проблема защиты прав и законных интересов ребенка. Этим объясняется появление на федеральном и региональном уровнях института Уполномоченного по правам человека (омбудсмен) и Уполномоченного по правам ребенка. Хотя это довольно молодой институт для российской правовой системы, тем не менее, уже накоплен определенный позитивный опыт.

Отметим, что данные специализированные институты действуют на региональном уровне автономно как по отношению к Уполномоченному по правам человека РФ, так и по отношению к аналогичным институтам в субъектах РФ. Это объясняется тем, что их деятельность направлена на защиту прав и законных интересов определенных групп, а иногда даже, в отдельных случаях, – на защиту права конкретного лица. В целях определения эффективности и качественности результатов их деятельности хотелось бы установить, какое место данный орган занимает в системе государственных органов, деятельность которых основана на принципе разделения властей, так как в современном конституционализме защита основных прав и свобод человека (ребенка), принципы демократического строя и принцип разделения властей соединяются в единой целое.

Принцип разделения властей положен в основу функционирования большинства современных государств. Его суть заключаются в следующем: государственная власть включает в себя иерархию государственных органов, принадлежащих к законодательной, исполнительной и судебной властям. Они функционируют

© Николаева Е. А., Тарасова О. Е., 2015